

Григорий Носов – стальной король России

> Чтобы написать про рабочего директора Магнитки,
нужен Лев Толстой

«СТАЛЬНЫМ королем России» называли Григория Носова на Западе. «Рабочий директор» – так звали его в коллективе магнитогорских металлургов.

В августе 1951 года «Би-би-си», опережая сообщения советских средств массовой информации, известила мир: «Умер стальной король России». Смерть эта была неожиданной. Умер 45-летний директор в Кисловодске, где он отдыхал – впервые по-настоящему после войны.

Магнитка испытала потрясение. Об этом говорят свидетели тех трагических дней. Кто был на аэродроме, видели, как приземлился сначала «дуглас», из которого вышли трое заместителей министра черной металлургии СССР, в том числе хорошо знакомый магнитогорцам П. Коробов: он когда-то также возглавлял комбинат. Затем с трапа сошла жена Григория Ивановича – Алла Дмитриевна. Увидев сына и дочь, упала, рыдая, в их объятия. А в это время второй самолет, на борту которого был гроб с телом Носова, уходил на круг в сторону комбината – директор словно прощался с родным предприятием...

В день похорон тысячи людей, растекаясь по степи, несколько километров шли за гробом, который несли на руках, на левобережное кладбище. На траурном митинге Людмила Татьяничева прочитала прозорливые стихи:

*Сдержим слово,
Слез ему не надо,
И унынье тоже ни к чему.
Трудовая слава комбината
Будет вечной памятью ему.*

«Чтобы написать про моего отца – нужен Лев Толстой», – сказал когда-то Дмитрий – сын Григория Ивановича. Перебираю папку с материалами о Григории Ивановиче, с письмами его вдовы моей маме – М. Верниковской, с которой они написали книжку о Носове, и вспоминаю эти слова его старшего сына... Сегодня повествование уже надо вести не об одном Григории Ивановиче, а о целой династии металлургов Носовых. «Три поколения экстремальных директоров» – так озаглавил материал о Носовых один из специализированных журналов для металлургов, имея в виду, кроме Григория Ивановича, его сына Константина, возглавлявшего Днепродзержинский комбинат, а затем «Криворожсталь», и внука – Сергея Константиновича, доктора технических наук, до недавнего времени генерального директора Нижнетагильского меткомбината... Директорствует ныне и другой внук Носова – кандидат технических наук Алексей Дмитриевич: он руководит управляющей компанией «ММК-МЕТИЗ». «Рабочий директор

Магнитки» в этой шеренге занимает главенствующее место – не только по старшинству, но и по экстремальности. Ведь он, сын потомственного катав-ивановского кузнеца, был во главе крупнейшего металлургического предприятия страны все годы Великой Отечественной.

Григорий Носов приехал на Магнитогорский металлургический комбинат в качестве главного инженера в мае 1939 года. К тому времени за его плечами были Томский технологический институт, аспирантура. Ему предлагали научную командировку в Ленинградский металлургический институт, но он выбрал для практической работы Белорецк, становится здесь мастером у мартеновской печи. Потом на Кузнецком металлургическом комбинате Григорий Иванович за несколько лет прошел путь от начальника смены цеха до главного инженера предприятия. В 1940 году Носова назначают директором ММК.

О чем вспоминают прежде всего, когда заходит речь об истории военной Магнитки? О броневой стали, которую магнитогорские металлурги сварили по новой технологии в имеющихся у них мартенах уже в июле 1941 года: специально предназначенных для этого печей на предприятии не было. В апреле 1942 года в Америке состоялась 25-я мартеновская конференция. И там было отмечено, что выплавка легированных сталей в печах с основным подом (что уже осуществили в условиях вполне понятной секретности магнитогорцы

в первое военное лето) «является весьма отдаленной перспективой!» Магнитка сработала на опережение и здесь, и потом, тем же летом 1941 года прокатав броневую сталь на обычном блюминге, не дожидаясь специального, эвакуированного из Мариуполя и находящегося в пути стана. В октябре 1941 года «броневая сталь пошла потоком».

А ведь можно было, не рискуя, ждать прибытия стана. Но директор поддержал инициативу заместителя главного механика комбината Н. Рыженко, предложившего катать броневую лист на обжимном стане-блюминге уралмашевского производства. Рисковал не только станом, должностью, но и своей головой... Сын Григория Ивановича, Константин, рассказывал своему сыну Сергею, что «дед, когда прокатывали броневую лист на блюминге, стоял у пульта с пистолетом в кармане. Вообще он оружия не носил. А тут... Если бы все закончилось неудачей, он готов был застрелиться, потому что понимал, что такое вывести из строя блюминг во время войны». Сергей Константинович Носов, уже сам будучи в ряду «экстремальных директоров», так характеризует деда: «...он не был авантюристом. За его решениями всегда стоял точный инженерный расчет».

На короткую жизнь Григория Ивановича пришлось много событий, по максимуму испытывавших его характер, человеческие качества. К таким можно отнести страшную

аварию на комбинате, когда в мартеновском цехе упал в пролет ковш с только что разлитой сталью. Погибли большинство из находившихся на разливочной площадке сталеваров, работники цеха ремонта. Это случилось на исходе дня сталинской Конституции, 5 декабря 1947 года. В городском театре шло торжественное заседание. Г. Носов делал доклад, посвященный знаменательной дате. Когда сообщили о катастрофе, все руководство вскоре было в мартеновском цехе. «Я видел, – вспоминал комсорг ЦК ВЛКСМ на ММК В. Архипов, – как по щекам Григория Ивановича текли слезы. Поймав мой взгляд, он сказал: «Слезы – от бессилия что-либо изменить...» Когда расследованием аварии занялись работники НКВД, директор отстаивал своих подчиненных и многих спас от заключения.

Что-то было такое в Григории Ивановиче, что обеспечило ему долгую добрую память магнитогорцев. За производственными масштабами он умел видеть рядового работника, его заботы, социальные проблемы решал с той же настойчивостью, что и сугубо заводские. Он много сделал для того, чтобы в правобережной части Магнитогорска вырос «белый город». В 1947 году комбинат заложил фруктовый сад на 300 гектарах. Я уже не говорю о его заботах по поводу рудной базы комбината. Раньше это называлось – мыслить по-государственному. Примеров – тьма.

Если кому-то захочется понять, почему в Магнитогорске имя Носова присвоено техническому университету и одной из главных площадей города, а в морях можно встретить

теплоход «Григорий Носов», почему в годовщину смерти «рабочего директора» столько людей приходят помянуть его на кладбище, собираются в музее-квартире, бережно сохраненной горожанами на Березках, тот легко найдет информацию об этом человеке.

А я здесь остановлюсь, чтобы привести отрывки из писем вдовы Григория Ивановича Носова Аллы Дмитриевны, адресованных М. Верниковской. Я выбрала из этих писем несколько цитат. В них «стальной король» такой, каким знали его близкие люди – жена, дети. А еще в них много – о самой Алле Дмитриевне. Один из старых металлургов, знавших Носовых еще по Кузнецку и навестивший Аллу Дмитриевну в Магнитогорске, поделился потом, взволнованный: «Если б не она, может, Носов и не был бы Носовым...»

А. Д. Носова – М. В. Верниковской. Выдержки из писем.

«...Прожили мы с Гришей двадцать лет как один день. Мы никогда не ссорились, не обижали друг друга. Если же возникало недоразумение, не могли разойтись с черными мыслями, невыясненными недоразумениями, холодно и враждебно. Ни разу не помню Гришу растерявшимся, это был очень сильный человек.

Мне казалось всю жизнь, что нет милей, красивей, умнее его. Это, наверное, кажется всякой любящей женщине. Мне повезло. Так началась жизнь совместная и так закончилась – как одно дыхание»

ЕЛЕНА ФРАНЦЕВА

(Материал печатается в сокращении)

> Трудовая слава комбината будет вечной памятью ему. Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА